

Один из величайших романов
XX века!

Пена дней

Борис Виан

Борис Виан
Пена дней
Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120893

Пена дней: роман / Борис Виан: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-389-05742-5

Аннотация

Борис Виан писал прозу и стихи, работал журналистом, писал сценарии и снимался в кино (полтора десятка фильмов, к слову сказать), пел и сочинял песни (всего их около четырех сотен). Редкий случай, когда интеллектуальная проза оказывается еще и смешной, но именно таково главное произведение Бориса Виана «Пена дней». Увлекательный, фантасмагорический, феерический роман-загадка и сегодня печатается во всем мире миллионными тиражами. Неслучайно Ф. Бегбедер поставил его в первую десятку своего мирового литературного хит-парада.

Содержание

I	5
II	10
III	12
IV	15
V	16
VI	17
VII	19
VIII	20
IX	21
X	23
XI	25
XII	29
XIII	32
XIV	35
XV	36
XVI	39
XVII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Борис Виан

Пена дней

L'ÉCUME DES JOURS

by Boris Vian

Copyright © Société Nouvelle des Editions Pauvert 1979, 1996 et 1998

Copyright © Librairie Arthème Fayard 1999

pour l'édition en Oeuvres complètes

© Л. Лунгина (наследники), перевод, примечания, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

I

Колен заканчивал свой туалет. Приняв ванну, он завернулся в широкую махровую простыню, оставив обнаженными только ноги да торс. Он взял со стеклянной полочки пульверизатор и оросил летучим ароматным маслом свои светлые волосы. Янтарный гребень разделил его шелковистую шевелюру на тонкие оранжевые пряди, напоминающие борозды, которые вилоккой прокладывает веселый пахарь на блюде с абрикосовым конфитюром. Отложив гребень, Колен вооружился щипчиками для ногтей и косо подстриг края своих матовых век, чтобы придать взгляду таинственность. Ему часто приходилось это делать – веки быстро отрастали. Колен включил лампочку увеличительного зеркала и придвинулся к нему, чтобы проверить состояние своего эпидермиса. У крыльев носа притаилось несколько угрей. Сильно укрупненные, они поразились своему уродству и тут же юркнули обратно под кожу. Колен с облегчением погасил лампочку. Он размотал простыню, стягивающую ему бедра, и кончиком ее принялся удалять последние капельки воды между пальцами ног. Его отражение в зеркале показалось ему на кого-то удивительно похожим – ну конечно же, на того блондина, который играет роль Слима в *Hollywood Canteen*¹. Круглая голова, маленькие уши, прямой нос, золотистая кожа. Он так часто улыбался младенческой улыбкой, что на подбородке у него не могла не появиться ямочка. Он был довольно высокий, стройный, длинноногий и вообще очень милый. Имя Колен ему, пожалуй, подходило². С девчонками он говорил ласково, а с парнями – весело. Почти всегда у него было хорошее настроение, а в остальное время он спал.

Проткнув дно ванны, он выпустил из нее воду. Выложенный светло-желтой керамической плиткой пол в ванной комнате имел наклон, и вода стекала в желоб, который находился как раз над столом жильца, занимавшего квартиру этажом ниже. Недавно тот, не предупредив Колена, переставил у себя мебель. Теперь вода лилась на буфет.

Колен сунул ноги в сандалии из кожи нетопыря и надел элегантный домашний костюм – вельветовые брюки бутылочного цвета и атласную фисташковую куртку. Махровую простыню он повесил на сушилку, а коврик для ног перекинул через борт ванны и посыпал крупной солью, чтобы извлечь из него воду. Коврик тут же оплевался – он весь покрылся гроздьями мыльных пузырьков.

Выйдя из ванной комнаты, Колен двинулся на кухню, чтобы лично присмотреть за последними приготовлениями. Как всегда по понедельникам, у него обедал Шик³, живший неподалеку. Правда, нынче была еще суббота, но Колену не терпелось увидеть Шика и угостить его теми блюдами, которые вдохновенно стряпал его новый повар Николя. Двадцатидвухлетний Шик был ровесником Колена и тоже холостяком, да к тому же он разделял его литературные вкусы, но вот денег у него было куда меньше. Колен же обладал состоянием, достаточным для того, чтобы не работать на других и ни в чем себе не отказывать. А вот Шику каждую неделю приходилось бегать к дяде в министерство, чтобы стрельнуть у него

¹ ...блондина, который играет роль Слима в *Hollywood Canteen* — т. е. американского актера Роберта Хьютттона, образец американского обаяния. «*Hollywood Canteen*» («Голливудский солдатский клуб») – развлекательный фильм режиссера Делмера Девиса (1944).

² *Имя Колен ему... подходило.* – Колен было традиционным именем пастушков во французских пасторалях XVIII в. Надеясь этим именем героя, Виан утверждает в романе тему пародийной идиллии, разыгрываемой главными персонажами (отсюда и подчеркнутая сентиментальность сюжета) и усиливаемой также именем героини Хлоя. Кроме того, «Колен» является ласково-уменьшительным от «Николя» и во французском произношении представляет почти точную фонетическую анаграмму имени Хлоя: перекличка имен создает дополнительные связи между персонажами.

³ *Шик.* – Наиболее «американизированный» из персонажей романа: в первоначальном замысле его имя звучало как Жак Чиккаго, затем Виан сократил его до распространенного американского Чик (по-французски Шик).

деньжат, потому что профессия инженера не позволяла ему жить на уровне своих рабочих, а командовать людьми, которые и одеты лучше тебя, и едят лучше, весьма затруднительно. Из всех сил стараясь ему помочь, Колен под любым предлогом звал его обедать. Однако болезненное самолюбие Шика заставляло Колена постоянно быть начеку – он опасался, как бы чересчур частые приглашения не выдали его намерений.

Застекленный с двух сторон коридор, ведущий на кухню, был очень светлый, и с каждой его стороны пылало по солнцу, потому что Колен любил свет. Куда ни глянешь, повсюду сияли начищенные до блеска латунные краны. Игра солнечных бликов на их сверкающей поверхности производила феерическое впечатление. Кухонные мыши часто плясали под звон разбивающихся о краны лучей и гонялись за крошечными солнечными зайчиками, которые без конца дробились и металась по полу, словно желтые ртутные шарики. Колен мимоходом погладил одну мышку: у нее были длинные черные усы, а серая шкурка на ее стройном тельце чудо как блестела. Повар кормил мышей превосходно, однако разъедаться не давал. Днем мыши вели себя тихо, как мыши, и играли только в коридоре.

Колен толкнул эмалированную дверь кухни. Повар Николя не спускал глаз с приборной доски. Он сидел за пультом управления, также покрытым светло-желтой эмалью. В него были вмонтированы циферблаты различных кухонных аппаратов, стоявших вдоль стены. Стрелка электроплиты, запрограммированной на жаренье индейки, дрожала между «почти готово» и «готово». Птицу вот-вот надо было вынимать. Николя нажал на зеленый тумблер, приводивший в действие механический щуп, который легко вонзился в индейку, и в то же мгновение стрелка замерла на отметке «готово». Быстрым движением Николя вырубил энергопитание плиты и включил тарелкоподогреватель.

– Будет вкусно? – спросил Колен.

– Месье может не сомневаться, – заверил Николя. – Индейка откалибрована очень точно.

– А что вы приготовили на закуску?

– Ах, на сей раз я не стал ничего изобретать и занялся чистым плагиатом. У Гуффе⁴.

– Да у вас губа не дура! – заметил Колен. – Какой же пассаж его великого творения вы воспроизводите?

– Тот, что изложен на странице шестьсот тридцать восемь его «Поваренной книги». Сейчас, месье, я вам его прочту.

Колен присел на табурет, обитый пористым каучуком, покрытым сверху промасленным шелком в цвет кухонных стен, и Николя начал читать:

– «Запеките паштет как для закуски. Разделайте крупного угря и нарежьте его ломтиками толщиной в три сантиметра. Сложите куски рыбы в кастрюлю, залейте белым вином, добавьте соли, перца, тонко нарезанного лука, две-три веточки петрушки, немного тмина, лаврового листа и зубок чеснока...» Правда, мне, увы, не удалось вырвать его так, как положено, потому что зубодерные щипцы у нас совсем разболтались.

– Я велю купить новые, – сказал Колен.

Николя продолжал:

– «...Когда угорь сварится, выньте его из кастрюли и положите на противень. Процедите бульон сквозь шелковое сито, добавьте немного испанки и томите на медленном огне, пока соус не загустеет. Пропустите его сквозь волосяное сито, залейте им рыбу и кипятите минуты две, не больше. Затем разложите куски угря на паштете, украсьте жареными шампиньонами, в середину воткните букет из молок карпа и залейте все это оставшимся соусом».

– Хорошо, – одобрил Колен. – Надеюсь, Шик это оценит.

---

⁴ Гуффе Жюль (1807–1877) – французский кулинар, автор поваренной книги, которую инженер Виан чрезвычайно ценил за точность рецептуры.

– Я не имею удовольствия быть знакомым с месье Шиком, – заметил Николя, – но если это блюдо ему не понравится, то в следующий раз я приготовлю что-нибудь другое, и таким образом мне постепенно удастся определить с большой степенью точности всю гамму его вкусовых пристрастий от до до.

– Конечно, – сказал Колен. – Засим я вас покину, Николя. Пойду накрывать на стол.

Он прошел по коридору в обратном направлении, пересек прихожую и оказался в столовой, служащей и гостиной: ее бежево-розовые стены и голубой ковер не утомляли глаза, даже когда они были широко раскрыты.

Эта комната, площадью примерно четыре метра на пять, выходила двумя продолговатыми окнами на бульвар Луи Армстронга⁵. Зеркальные стекла раздвигались, благодаря чему весенние ароматы, если, разумеется, таковые имелись снаружи, могли проникнуть и внутрь помещения. Угол у противоположной стены занимал дубовый стол. По двум его сторонам стояли скамьи, а по двум другим – дубовые стулья с подушками из синего сафьяна на сиденьях. Вот и вся меблировка, не считая длинной низкой полки, оборудованной под дискотеку, проигрывателя высшего класса и еще одной полки, симметричной первой, где хранились рюмки, тарелки, стаканы и прочие предметы, без которых цивилизованные люди не садятся за стол.

Колен выбрал голубую скатерть – под цвет ковра. Посредине стола вместо вазы он поставил колбу с двумя заспиртованными куриными эмбрионами, в точности воспроизведшими пластику призрака из балета «Видение розы» в исполнении Нижинского⁶, а вокруг разложил веточки мимозы необыкновенной: знакомый ему садовник получил этот новый сорт от скрещения мима и розы, которая вместе с невинностью потеряла и букву «Р». Потом достал с полки белые фарфоровые тарелки с золотыми прожилками, по две каждому, и по прибору из нержавеющей стали с ажурными ручками, в которые между двумя пластинками из плексигласа было вставлено чучело божьей коровки – на счастье. Два хрустальных бокала и две салфетки, сложенные наподобие тиар, завершали сервировку. На все эти приготовления ушло некоторое время. Едва они были закончены, как звонок сорвался с цепи и тем самым известил Колена о приходе Шика.

Колен расправил складочку на скатерти и пошел открывать дверь.

– Как поживаешь? – спросил Шик.

– А ты-то как? – вместо ответа спросил Колен. – Раздевайся и пойдем посмотрим, что делает Николя.

– Новый повар?

– Да, – ответил Колен, – я выменял его у тети, отдал ей моего старого повара и килограмм бельгийского кофе⁷ в придачу.

– Ты им доволен? – спросил Шик.

– Похоже, дело он знает. Ученик Гуффе.

– Человека из чемодана?⁸ – в ужасе воскликнул Шик, и его черные усики трагически поникли.

– Да нет, болван, Жюля Гуффе, знаменитого кулинара.

---

⁵ *Армстронг Луи* (1900–1971) – американский трубач-виртуоз и певец, руководитель джаз-оркестра. «*Бульвар Луи Армстронга*» начинает «музыкальную топографию» романа.

⁶ ...«*Видение розы*» в исполнении Нижинского... – В 1911 г. балет «Видение розы» на музыку Вебера в постановке и с участием известного русского танцовщика В. Ф. Нижинского (1890–1950) имел в Париже колоссальный успех.

⁷ ...*килограмм бельгийского кофе*... – Из-за более низких таможенных цен колониальные товары стоили в Бельгии значительно меньше, чем во Франции.

⁸ *Человека из чемодана?* – Речь идет о нашумевшем в 1889 г. убийстве судебного исполнителя Гуффе, труп которого убитцы положили в специально изготовленный чемодан и бросили в зарослях на берегу Роны. Это уголовное дело, блестяще раскрытое инспектором парижской полиции Гороном, вошло в историю криминалистики.

– В этом я не силен... Знаешь, кроме Жан-Соля Партра⁹, я мало что читаю.

Он пошел за Коленом по выложенному плитками коридору, погладил мышей и попутно зарядил свою зажигалку капелькой солнца.

– Николя, – сказал Колен, входя на кухню, – познакомьтесь, пожалуйста: мой друг Шик.

– Добрый день, месье, – произнес Николя.

– Добрый день, Николя, – ответил Шик. – Скажите, у вас нет племянницы, которую зовут Ализа?

– Есть, месье, – подтвердил Николя. – И, смею заметить, весьма красивая девушка.

– Между вами большое фамильное сходство, – сказал Шик, – хотя по линии бюста некоторое различие имеется.

– Да, у меня с годами грудь стала шире, – уточнил Николя, – а у Ализы она развивалась, так сказать, перпендикулярно, если месье позволит мне называть вещи своими именами.

– Выходит, мы почти что в семейном кругу, – обрадовался Колен, – а вы мне не говорили, Николя, что у вас есть племянница.

– Моя сестра сбилась с пути, – признался Николя. – Она изучала философию. В семье, которая гордится своими традициями, о таких вещах предпочитают молчать.

– М-да, – сказал Колен, – пожалуй, вы правы. Во всяком случае, я вас понимаю. Покажите-ка нам лучше ваш паштет с угрем...

– Сейчас небезопасно открывать духовку, – предупредил Николя, – не то произойдет резкое обезвоживание блюда в результате того, что внутрь проникнет воздух меньшей влажности, чем тот, который ее заполняет.

– Я предпочитаю увидеть это блюдо, когда его подадут на стол, – сказал Шик. – Пусть это будет сюрпризом.

– Горячо одобряю вас, месье, – сказал Николя. – Осмелюсь ли попросить месье разрешить мне вернуться к моим делам?

– Конечно, Николя, пожалуйста!

И повар вновь взялся за прерванную работу, которая состояла в том, что он опрокидывал на тарелки формочки с заливным из морского языка, украшенного ломтиками трюфеля, как и положено для рыбной закуски. Колен и Шик вышли из кухни.

– Не выпьешь ли аперитив? – спросил Колен. – Мой пианоктейль уже настроен, можешь его опробовать.

– Как, пианоктейль уже работает? – спросил Шик.

– Да, и притом отлично. Трудно было его наладить, но результат превзошел все мои ожидания. Я сыграл «Black and Tan Fantasy»¹⁰ и получил совершенно поразительную смесь.

– Какой принцип ты положил в основу механизма?¹¹ – спросил Шик.

– Каждой клавише соответствует либо какой-нибудь крепкий напиток, либо ликер, либо сироп. Правая педаль добавляет в смесь сбитое яйцо, а левая – кусочек льда. Для полу-

---

⁹ *Жан-Соль Партр* — весьма прозрачный намек на современного философа-экзистенциалиста Жан-Поля Сартра (1905–1980). Насмешка Виана относится к той «моде на экзистенциализм», которая возникла во Франции в 1940-е гг. и благодаря которой имя Сартра стало легендой, а сам он превратился в своего рода живого идола. Объектом пародии выступает, таким образом, не личность философа, с которым Виан был в то время очень близок и который вызывал его искреннее восхищение, но «миф» о нем, созданный многочисленными почитателями. Показательно, что изначально в роли подобного персонажа-кумира предполагалось вывести одного из двух писателей, друзей Виана, – либо Раймона Кено (1903–1976), либо Мак-Орлана (1882–1970). Сам Сартр горячо одобрил «Пену дней» и в октябре 1946 г., до публикации романа, напечатал отрывки из него в своем журнале «Тан модерн».

¹⁰ «*Black and Tan Fantasy*» — «Фантазия в черном и огненном цвете», композиция Дюка Эллингтона (1927), в которую он ввел фрагменты из «Похоронного марша» Шопена.

¹¹ *Какой принцип ты положил в основу механизма?* – Идея пианоктейля, содержащая элементы научной фантастики, перекликается с описанием «пиано-веретена», придуманного французским поэтом Максом Жакобом (1876–1944): «пиано-веретено» подсоединяется к мебелировке комнаты или непосредственно к нервным клеткам человека. Виан, однако, дает гораздо более точное «научное» описание своего «изобретения».

чения сельтерской воды надо извлекать тремоло в высоком регистре. Дозы всех ингредиентов определяются длительностью звука: одной шестьдесят четвертой соответствует шестнадцатая часть объема, взятого за единицу, четверти – единица объема, а целой ноте – четыре единицы. Когда играешь медленную мелодию, включается особая система регистров, чтобы доза коктейля не увеличивалась, – иначе порция получилась бы слишком большой, – а только повышалась его крепость. Кроме того, можно, в зависимости от продолжительности мелодии, изменить величину объема, взятого за единицу, уменьшив его, например, в сто раз, чтобы получить напиток, в котором, с помощью особого модератора, учтены все законы гармонии.

– Все это очень сложно, – сказал Шик.

– Механизмом управляет электронное устройство через реле. Не стану вдаваться в детали, ты же сам хорошо разбираешься в этих вещах. Притом, заметь, это еще и пианино, на котором прекрасно можно играть.

– Невероятно! – воскликнул Шик.

– Осталась, правда, одна недоделка, – сказал Колен, – вот никак не налажу правую педаль, которая регулирует сбивание яиц. Пришлось поставить дополнительное сцепление, потому что, когда играешь что-нибудь слишком hot¹², в коктейль попадают куски омлета и их трудно глотать. Со временем я это, конечно, устраню, а пока придется быть повнимательней. Да, забыл сказать, что сливки – это «соль» в контроктаве.

– Сейчас сделаю себе коктейль на мотив «Loveless Love»¹³. Это должно быть нечто невообразимое, – сказал Шик.

– Пианоктейль стоит пока в чулане, который я оборудовал под мастерскую, – сказал Колен, – я не успел еще привинтить к нему деку. Пойдем. Для начала я его запрограммирую на два коктейля граммов по двести.

Шик сел за пианоктейль. Едва замер последний звук, как с сухим треском откинулась середина передней панели и показалась шеренга стаканов. Два из них были наполнены до краев аппетитной на вид жидкостью.

– Когда ты взял фальшивую ноту, я испугался, – сказал Колен, – но, к счастью, она оказалась в той же тональности.

– Он учитывает и тональность? – спросил Шик.

– Не всегда, – сказал Колен, – это была бы чересчур сложная задача. Но некоторая зависимость все же есть. Ну пей, и по шли к столу.

---

¹² *Hot* (англ.) – буквально: «горячий». *Jazz-hot* («горячий джаз») – стиль джаза, основанный на импровизации и четком ритме. Виан обыгрывает оба значения слова.

¹³ «*Loveless Love*». – «Любовь без любви», блюз Сиднея Беше (1931).

II

– Паштет с угрем просто изумителен, – сказал Шик. – Кто надоумил тебя заказать такое блюдо?

– Идея принадлежит Николаю, – сказал Колец. – У нас тут есть, вернее, был угорь, который каждый день появлялся в умывальнике, выползая из крана.

– Забавно! – сказал Шик. – С чего бы это?

– Он дотягивался до зубной пасты и пожирал ее, нажимая зубами на тюбик. Николай пользуется исключительно американской ананасной пастой, и угрю, видимо, она пришлась по вкусу.

– А как он его поймал? – поинтересовался Шик.

– Вместо тюбика с пастой он положил настоящий ананас. Когда угорь лакомился пастой, он ее легко заглатывал и беспрепятственно уползал назад, а тут вышло иначе: чем энергичней он втягивал голову в кран, тем глубже его зубы вонзались в ананас. Николай...

Колен осекся и замолчал.

– Что Николай? – спросил Шик.

– Не решаюсь сказать, боюсь отбить у тебя аппетит.

– Говори, я уже почти все съел.

– Тогда Николай вошел в ванную и бритвой отсек ему голову. Потом открыл кран, и угорь оказался в умывальнике.

– И все? – сказал Шик. – Положи мне еще паштета. Надеюсь, в водопроводной трубе живет и его многочисленное семейство.

– Николай положил на умывальник тюбик с малиновой пастой, так что посмотрим... Послушай, кто эта Ализа, о которой ты с ним говорил?..

– Я как раз о ней думал. Впервые я увидел ее на лекции Жан-Соля. Мы случайно оказались рядом – оба лежали ничком под кафедрой, там мы и познакомились.

– Какая она? – спросил Колен.

– Я не мастер описывать, – ответил Шик. – Она прелестна...

– А!..

Вошел Николай, неся блюдо с индейкой.

– Садитесь с нами, Николай, – сказал Колен. – Ведь в конце концов, как справедливо заметил Шик, вы почти член нашей семьи.

– Если месье не возражает, я сперва займусь мышами, – ответил Николай. – Я скоро приду. Индейка нарезана... Вот соус...

– Обрати на него внимание, – сказал Колен. – Это сметанный соус из манго и можжевельника, им заполняют мешочки, сшитые из тонко отбитого телячьего филе. Ты на них нажимаешь, и соус течет струйками.

– Нет слов! – воскликнул Шик.

– Не можешь ли ты мне сказать, хотя бы в самых общих чертах, как ты с ней познакомился?.. – продолжал свое Колен.

– Право, не знаю... Я ее спросил, любит ли она Жан-Соля Партра, она ответила, что собирает все, что он пишет... Тогда я ей сказал: «Я тоже...» И всякий раз, когда я ей что-нибудь говорил, она отвечала: «Я тоже...» и *vice versa*¹⁴. В конце концов, только для того, чтобы поставить экзистенциальный опыт, я сказал: «Я вас люблю», – а она в ответ воскликнула: «О!...»

– Опыт не удался, – заметил Колен.

---

¹⁴ Наоборот (*лат.*).

– Да, – согласился Шик, – но она все же не ушла. Тогда я сказал: «Мне в эту сторону», – а она ответила: «А мне – нет», и добавила: «Мне в ту».

– Невероятно!

– Тогда я сказал: «И мне тоже в ту». И стал ходить за ней по пятам повсюду, куда бы она ни шла.

– И чем же это кончилось?

– Ну... Просто пришло время ложиться в постель...

Колен поперхнулся, и, чтобы прийти в себя, ему пришлось выпить пол-литра бургундского.

– Завтра мы с ней идем на каток. Завтра воскресенье... Пойдешь с нами? Мы решили идти утром, когда там не так много народа. Я, правда, немного стесняюсь, потому что катаюсь неважно, но зато мы сумеем поговорить о Партре.

– Хорошо, – пообещал Колен. – Я пойду с Николая... Может, у него есть еще племянницы...

III

Колен вышел из вагона метро и поднялся по лестнице. Однако он оказался не там, где рассчитывал, и, чтобы сориентироваться, обошел площадь. С помощью желтого шелкового платка он определил направление ветра, первый же порыв сдул с него цвет и унес на большое здание неправильной формы, которое сразу стало походить на каток «Молитор»¹⁵.

Миновав зимний бассейн, Колен вошел в каменную громаду с бокового входа. Створки стеклянных дверей с медными переплетами, хлопая, вели с ним двойную игру – и впускали, и отталкивали. Колен протянул абонемент, который подмигнул контролеру двумя уже пробитыми глазками. Контролер ответил понимающей улыбкой, что, однако, не помешало ему пробить третий глазок в оранжевой картонке, и она тут же ослепла. Колен без зазрения совести сунул ее обратно в свой бумажный сафьяник, то есть сафьяновый бумажник, и свернул налево, в устланный прорезиненной дорожкой коридор, где находились кабины для переодевания. На первом этаже свободных мест не было. Поэтому он поднялся по бетонной лестнице на второй этаж. Навстречу ему скакали верзилы – ведь все они были на вертикальных стальных полозьях, – тщетно стараясь сохранить при этом естественность движений. Служитель в белом свитере открыл ему кабину и сунул в карман чаевые, но по всему было видно, что он лжец, что чая не пьет, что для него это не невинные чаевые, а винные или даже коньячные. Он оставил клиента в этом застенке, небрежно начертив мелом его инициалы на специально для этого предназначенном черном прямоугольнике. Колен обратил внимание на то, что у служителя была голова не человека, а голубя¹⁶, и удивился, что он приставлен к катку, а не к бассейну.

С катка подымался овальный скрип полозьев, и музыка, звучащая из установленных вокруг динамиков, придавала ему весьма сложную структуру. Однако шум, который производили конькобежцы, еще не достиг того уровня громкости, который бывает в часы наплыва, – тогда его можно принять за топот полка, марширующего в слякоть по булыжной мостовой. Колен поискал глазами Ализу и Шика, но их на катке не было. Никола должен был прийти попозже: он еще возился на кухне, готовя обед.

Развязывая шнурки, Колен обнаружил, что на полуботинках уже нет подметок. Он достал из кармана пакетик пластыря, но его оказалось слишком мало. Тогда он положил полуботинки в лужицу под цементной скамейкой и полил их концентрированным удобрением, чтобы кожа снова отросла. Потом Колен надел шерстяные носки в широкую желто-лиловую полоску и ботинки с коньками. Их полозья спереди раздвигались, чтобы легче было поворачивать.

Он вышел из кабины и спустился на этаж ниже. Ноги его вихлялись, пока он брел по дорожкам из перфорированного каучука, которым были устланы бетонные полы коридоров. Но едва он отважился ступить на лед, как ему пришлось опрометью кинуться назад и подняться на две деревянные ступени, не то его сбила бы с ног мчавшаяся во весь опор конькобежка. Блистательно выполнив ласточку, она пожинала лавры, а уборщик тем временем сметал разлетавшиеся во все стороны лавровые листья. И тут Колен вдруг увидел Шика и Ализу, выходящих на лед с другой стороны катка. Он сделал им знак, но они этого не заметили. Тогда он кинулся к ним наперерез потоку катающихся, которые двигались по кругу. Конькобежцы, понося его на чем свет стоит, тормозили и в результате, подшибая друг

¹⁵ «Молитор» — название спортивного сооружения в Париже, включающего каток и бассейн.

¹⁶ ...у служителя была голова не человека, а голубя... – Облик служителя напоминает изображение египетского бога Гора, имевшего, по представлениям, птичью голову (считался сыном Озириса и Исиды). Удивление Колена вызвано, очевидно, тем, что подобная «египетская» фигура ассоциируется скорее с водой (Нилом), чем со льдом катка.

друга, валились на лед. Эта куча-мала росла с каждой секундой за счет врезавшихся в нее несчастных созданий, отчаянно размахивавших руками и ногами, передергивающих плечами и извивавшихся всем телом, прежде чем рухнуть на тех, кто был уже повержен. Лед от солнца подтаял, и под этой растущей на глазах горой тел плескалась вода. Очень скоро там уже собралось девять десятых катающихся, и каток таким образом оказался почти в полном распоряжении Шика с Ализой. Они подъехали к груди беспомощно копошившихся людей. Шик узнал Колена по его раздвоенным конькам и извлек его из самой гущи, вытащив за лодыжки. Они пожали друг другу руки, Шик представил ему Ализу, и Колен пристроился слева от нее, поскольку Шик уже находился одесную.

Посторонившись, они пропустили уборщиков, которые, не надеясь найти в этом живом месиве что-либо, кроме не представляющих никакого интереса продуктов распада личности, вооружились скребками и двинулись к сто ку нечистот, толкая перед собой всю кучу разом. При этом они пели гимн катка «Молитор», сочиненный еще в 1709 году Вайяном-Кутюрье¹⁷:

Господа,
Соблаговолите, пожалуйста,
Очистить каток,
Чтобы дать нам возможность
Произвести уборку.

Все это сопровождалось гудками клаксона, чтобы даже самые закаленные души содрогнулись от ужаса.

Те, кто еще катался, аплодисментами приветствовали такую инициативу, и мусорный люк, проглотив все останки, захлопнулся. Шик, Ализа и Колен вознесли краткую молитву и заскользили по льду.

Колен не спускал глаз с Ализы. По странной случайности на ней был белый свитер и желтая юбка. Ботинки ее тоже были бело-желтыми, и каталась она на «канадах». Дымчатый цвет ее шелковых чулок оттенялся белыми носками, которые она подвернула, чтобы прикрыть верхнюю часть низких ботинок, зашнурованных белыми шнурками, трижды обмотанными вокруг лодыжек. К этому надо добавить ярко-зеленую шелковую косынку и на редкость густую копну вьющихся белокурых волос, которые обрамляли ее лицо. Она смотрела на мир широко открытыми синими глазами, а занимаемая ею часть пространства во вселенной была ограничена гладкой золотистой кожей. Руки и икры у нее были круглыми, талия – тонкой, а бюст очерчен очень четко, словно на хорошей фотографии.

Колен отвел взгляд, чтобы обрести равновесие. Ему это удалось, и, опустив глаза, он спросил Шика, как тот себя чувствует после паштета с угрем.

– Не напоминай мне об этом, – сказал Шик. – Я всю ночь ловил рыбу в своей раковине, надеясь, что и мне удастся поймать угря. Но попадались только форели.

– Николя и из них что-нибудь приготовит! – заверил его Колен. – У вас удивительно талантливый дядя, – сказал он, обращаясь уже к Ализе.

– Он – гордость семьи, – ответила Ализа. – Моя мать все не может утешиться, что вышла замуж за какого-то там доктора математических наук, в то время как ее брат так преуспел в жизни.

– Ваш отец – доктор математических наук?

---

¹⁷ ...гимн катка «Молитор», сочиненный еще в 1709 году Вайяном-Кутюрье... – Пример излюбленного Вианом анахронизма: Поль Вайян-Кутюрье (1892–1937) – французский писатель, журналист, член ФКП, был главным редактором газеты «Юманите». Как и в случае с Жан-Солем Партром, упоминание имени Вайяна-Кутюрье не содержит никаких аллюзий на конкретную историческую личность: Виан с его любовью к языковой игре и «говорящим» именам, видимо, оценил «внутреннюю форму» этой фамилии (по-французски «Вайян-Кутюрье» означает «храбрый портняжка»).

– Да, он профессор Коллеж-де-Франс¹⁸ и действительный член Академии наук или что-то в этом роде... – сказала Ализа. – Стыдно... в тридцать восемь лет. Мог бы и постараться. К счастью, есть дядя Николая.

– Разве он не собирался прийти сюда сегодня? – спросил Шик.

От светлых волос Ализы исходил изумительный аромат. Колен посторонился.

– Видимо, он опоздает. Утром у него возникла какая-то новая идея. Давайте пойдем ко мне обедать, ладно? Тогда мы узнаем, во что он ее воплотит...

– Отлично, – сказал Шик. – Но если ты рассчитываешь, что я приму твое приглашение, у тебя превратное представление об объективной реальности. Тебе необходимо найти себе пару, чтобы нас было четверо. Иначе я не пушу Ализу к тебе, сам должен понимать.

– Нет! – запротестовал Колен. – Вы только послушайте!..

Но ответа он так и не услышал, потому что один непомерно высокий субъект, который вот уже пять минут упражнялся в скоростном беге, согнувшись в три погибели и весь по давшись вперед, проскочил у него между ногами, и возникшая воздушная волна подбросила Колена на несколько метров вверх. Ему удалось ухватиться за балюстраду второго этажа, он подтянулся, но не вверх, а вниз и, упав, очутился снова рядом с Шиком и Ализой.

– Все же надо бы запретить кататься так быстро, – сказал Колен и перекрестился, потому что конькобежец, врезавшись в стену ресторана на противоположном конце катка, растекаясь по ней, словно медуза, которую швырнул жестокий ребенок.

Уборщики снова взялись за дело, и один из них водрузил на месте несчастного случая ледяной крест. Пока крест не растаял, дежурный ставил пластинки духовной музыки. Потом все пошло своим чередом. Шик, Ализа и Колен продолжали кружить по льду.

---

¹⁸ *Коллеж-де-Франс* — весьма авторитетное высшее учебное заведение в Париже, основанное в 1530 г. Франциском I.

IV

– Вот и Николая! – воскликнула Ализа.

– А вот и Исида¹⁹, – сказал Шик.

Николя еще только проходил через контроль, а Исида уже вышла на лед. Первый поднялся в раздевалку, в то время как вторая подкатила к Шику, Колену и Ализе.

– Здравствуйте, Исида, – сказал Колен. – Познакомьтесь с Ализой. Ализа, это Исида. А Шика вы знаете.

Тут все стали пожимать друг другу руки, и Шик воспользовался этим минутным замешательством, чтобы удрать с Ализой, а Колен и Исида, так и не прерывая рукопожатия, покатились вслед за ними.

– Я рада вас видеть, – сказала Исида.

Колен тоже был рад ее видеть. К восемнадцати годам Исиде удалось обзавестись каштановыми волосами, белым свитером, желтой юбкой, ядовито-зеленой косынкой, желто-белыми ботинками и темными очками. Она была прелестна, но Колен хорошо знал ее родителей.

– На той неделе мы устраиваем прием, – сказала Исида. – По случаю дня рождения Дюпона²⁰.

– Дюпона? Кто это?

– Мой пудель. Я пригласила всех своих друзей. Вы придете? В четыре часа...

– С большим удовольствием, – ответил Колен.

– И приведите своих приятелей.

– Шика и Ализу?

– Да, они симпатичные... Значит, до воскресенья.

– Вы уже уходите? – спросил Колен.

– Ага, я никогда долго не катаюсь. Я и так здесь уже десять часов, пора и честь знать...

– Ведь сейчас только одиннадцать утра! – воскликнул Колен.

– А я была в баре... Привет!

---

¹⁹ *Исида* – в египетской мифологии богиня-мать, покровительница семьи. В романе именно благодаря Исиде Колен встречается с Хлоей.

²⁰ *Дюпон*. – Сенатором Дюпоном звали собаку, жившую в семье Вианов в юношеские годы писателя. Сенатор Дюпон, мудрый говорящий пес, действует в романе Виана «Красная трава» (1950). Некоторые из своих ранних публикаций Виан подписывал «Борис Дюпон».

V

Колен торопливо шел по напоенным светом улицам. Дул резкий сухой ветер, а под ногами хрустел затянувшийся лужи ледок толщиной с ноготок.

Прохожие прятали подбородки кто во что горазд: в воротники, в шарфы, в муфты, а один даже сунул свой подбородок в птичью клетку, да так, что дверца на пружинке упиралась ему в лоб.

«Завтра я пойду к Трюизмам», – думал Колен.

Это были родители Исиды.

«А сегодня вечером я ужинаю с Шиком...»

«Надо поскорее идти домой, чтобы подготовиться к завтрашнему дню...»

Он широко шагнул, стараясь не наступить на белую полосу зебры-перехода, – она показалась ему опасной. «Если я сумею сделать двадцать шагов, ни разу не наступив на белое, – подумал Колен, – то завтра у меня на носу не вскочит прыщ».

«Ах, все это глупости, идиотизм какой-то, – сказал он себе, в девятый раз наступая на белую полосу, – прыща у меня все равно не будет».

Он наклонился, чтобы сорвать голубовато-розовую орхидею, которую мороз выгнал из земли.

Она пахла, как волосы Ализы.

«Завтра я увижу Ализу...»

Эту мысль следовало гнать прочь. Ализа по праву принадлежала Шикю.

«Завтра я там, наверное, найду себе какую-нибудь девушку».

Но мысли его снова возвращались к Ализе.

«Неужто они в самом деле говорят о Жан-Соле Партре, когда остаются одни?»

Может быть, думать о том, чем они занимаются, когда остаются одни, ему тоже не стоило.

«Сколько статей написал Жан-Соль Партр за последний год?»

Так или иначе, он не успеет сосчитать их, прежде чем дойдет до своего дома.

«Интересно, чем Николя будет нас сего дня кормить?»

Если поразмыслить, то в сходстве Ализы и Николя нет ничего удивительного, поскольку они родственники. Но так он как бы невзначай снова вернулся к запрещенной теме.

«Да, все же интересно, чем Николя будет нас сегодня кормить?»

«Я решительно не знаю, чем Николя, который похож на Ализу, будет нас сегодня кормить».

«Николя на одиннадцать лет старше Ализы. Выходит, ему двадцать девять лет. У него большой кулинарный талант. Он нам приготовит фрикандо из телятины».

Колен подходил к своему дому.

«Витрины цветочных магазинов никогда не закрывают железными шторами. Никому и в голову не приходит красть цветы».

Оно и понятно. Колен снова сорвал орхидею, на этот раз оранжево-серую, и ее нежные, отливающие перламутром лепестки поникли.

«Она цвета моей мышки с черными усами... Вот я и дома».

Колен поднялся по каменной лестнице, покрытой ковровой дорожкой. Он всунул в замок серебристо-зеркальной двери золотой ключ.

– Эй, мои верные слуги, ко мне! Я вернулся!

Он швырнул плащ на стул и направился к Николя.

VI

– Николя, вы готовите на ужин фрикандо?
– Вот те раз! Месье ведь меня не предупредил. У меня другие затеи.
– Какого дьявольского черта вы всегда и беспрестанно обращаетесь ко мне в третьем лице?

– Коли месье угодно выслушать мои объяснения, то извольте: я полагаю, что фамильярность допустима исключительно между людьми, которые вместе пасли свиней, а это, как вам известно, не наш случай.

– Вы высокомерны, Николя, – сказал Колен.

– Я горжусь своим высоким положением в обществе, месье, и вы, надеюсь, не поставите мне это в упрек.

– Безусловно, – сказал Колен, – но мне было бы приятней, если б вы держались со мной попроще.

– Я исполнен к месье искренней, хоть и затаенной привязанности.

– Польщен и счастлив, Николя, и, поверьте, отвечаю вам тем же. Итак, чем вы попотчуете нас сегодня вечером?

– Я намерен, снова следуя традициям Гуффе, создать на сей раз фаршированного колбасу с Антильских островов под соусом из портвейного муската.

– А как его готовят? – заинтересовался Колен.

– Рецепт таков: «Возьмите живого колбасу и сдерите с него семь шкур, невзирая на его крики. Все семь шкур аккуратно припрячьте. Затем возьмите лапки омара, нарежьте их, потушите струей из брандспойта в подогретом масле и нашпигуйте ими тушку колбасу. Сложите все это на лед в жаровню и быстро поставьте на медленный огонь, предварительно обложив колбасу матом и припущенным рисом, нарезанным ломтиками. Как только колбасу зашипит, снимите жаровню с огня и утопите его в портвейне высшего качества. Тщательно перемешайте все платиновым шпателем. Смажьте форму жиром, чтобы не заржавела, и уберите в кухонный шкаф. Перед тем как подать блюдо на стол, сделайте соус из гидрата окиси лития, разведенного в стакане свежего молока. В виде гарнира подавайте нарезанный ломтиками рис и бегите прочь».

– Нет слов! – воскликнул Колен. – Гуффе воистину великий человек! Скажите, Николя, у меня завтра не вскочит на носу прыщ?

Николя внимательно изучил хобот Колена и пришел к отрицательному выводу.

– Да, пока не забыл, вы танцуете скосиглаз?

– Увы, я все еще танцую вывих или стилем озноб, который с полгода назад вошел в моду в Нейи²¹. В скосиглазе я не силен, знаю только несколько па.

– Как вы думаете, – спросил Колен, – можно за один урок овладеть его техникой?

– Полагаю, что да, – ответил Николя. – В общем-то, это несложно. Важно только не упасть и в безвкусицу не впасть. Например, не танцевать скосиглаз на ритмы буги-вуги.

– Тогда упадешь?

– Нет, в безвкусицу впадешь.

Николя положил на стол грибфрукт, который он чистил во время разговора, и ополоснул руки под краном.

– Вы очень заняты? – спросил Колен.

– Да нет, месье! Кухонная аппаратура уже запущена.

---

²¹ Нейи — аристократическое предместье Парижа, примыкающее к Булонскому лесу.

– В таком случае я был бы вам очень обязан, если б вы показали мне те па скосиглаза, которые вы знаете, – сказал Колен. – Пойдемте в гостиную, я поставлю пластин ку.

– Я посоветовал бы месье выбрать что-нибудь в том темпе, который создает особую атмосферу, ну что-нибудь типа «Хлои» в аранжировке Дюка Эллингтона или «Концерт для Джонни Ходжеса²²...», – сказал Николя. – То, что за океаном обозначают словами «moody» или «sultry tune»²³.

---

²² Ходжес Джонни (1906–1970) – саксофонист в оркестре Дюка Эллингтона, блестящий импровизатор.

²³ «Moody», «sultry tune» (англ.) – «мрачная, знойная мелодия».

VII

– Принцип стиля скосиглаз, что, впрочем, месье, наверно, и сам знает, состоит в интерференции двух динамических систем, вибрация которых строго синхронизирована.

– Я и не предполагал, – удивился Колен, – что тут приложимы термины современной физики.

– В данном случае партнеры находятся на весьма близком расстоянии друг от друга и вибрируют всем телом в ритме музыки.

– В самом деле? – с некоторым беспокойством переспросил Колен.

– Таким образом возникает система статических волн, имеющих, как известно из акустики, равномерные колебания, что немало содействует возникновению особой атмосферы в танцевальном зале.

– Несомненно... – прошептал Колен.

– Наиболее искусным танцорам, – продолжал Николя, – удастся создать и дополнительные очаги неких специфических волн, которые приводят в согласные покачивания отдельные части тела. Впрочем, не будем уточнять, какие именно, я лучше продемонстрирую месье, как танцуют скосиглаз.

Колен по совету Николя достал «Хлоу», положил пластинку на диск проигрывателя, потом осторожно опустил иглу на ее первую бороздку и стал глядеть, как вибрирует Николя.

VIII

– У месье уже почти получается, – сказал Николя. – Еще одно небольшое усилие – и порядок.

– Но почему, – спросил Колен, обливаясь потом, – это танцуют под такую медленную музыку? Ведь так гораздо труднее.

– Сейчас объясню, – ответил Николя. – По правилам партнер и партнерша находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Когда танцуешь под медленную музыку, то колыхание тела можно распределить таким образом, что неподвижной остается только зона вокруг пупка, а голова и ноги свободно вибрируют. В принципе к этому и надо стремиться. Однако, как ни прискорбно, случается, что нескромные люди танцуют скосиглаз на негритянский манер, в быстром темпе.

– Ну и что? – спросил Колен.

– А то, что вибрировать при этом начинают не только голова и ноги, но и чресла партнеров, поскольку неподвижные точки перемещаются из зоны пупка к коленям и грудным костям.

Колен залился краской.

– Все понятно, – сказал он.

– Если же танцевать в ритме буги-вуги, то получается тем неприличнее, чем прилипчивей мотив.

Колен впал в задумчивость.

– Кто вас научил танцевать скосиглаз? – спросил он Николя.

– Моя племянница... А теоретические основы этого танца я почерпнул из разговоров с зятем. Он ведь действительный член Академии наук, как месье уже знает. Поэтому ему не стоило большого труда осмыслить этот стиль. Он говорил мне, что сам разрабатывал его практически девятнадцать лет назад.

– Вашей племяннице восемнадцать? – спросил Колен.

– И три месяца, – уточнил Николя. – Если я месье больше не нужен, то разрешите мне вернуться на кухню, чтобы наблюдать за аппаратурой.

– Идите, Николя, и спасибо, – сказал Колен и снял пластинку, которая уже остановилась.

IX

«Я надену бежевый костюм, и голубую рубашку, и красный галстук с бежевым узором, и простроченные замшевые полуботинки, и красные носки в бежевую клетку».

«А до этого я тщательно умоюсь и побреюсь и внимательно огляжу себя в зеркале».

«Сейчас пойду на кухню и попрошу Николая...»

– Николая, может быть, мы сейчас немного потанцуем?

– Бог ты мой, если месье настаивает, то я, конечно, готов, но если нет, то я бы предпочел, честно говоря, заняться совершенно неотложными делами.

– Не будет ли нескромно с моей стороны полюбопытствовать, какими именно?

– Я возглавляю философский кружок домашней прислуги нашего квартала, где проводятся чтения на тему: «Сервизизм – это гуманизм»²⁴, и поэтому мне не пристало пропускать наши занятия.

– Могу ли я поинтересоваться, Николая, чему именно будет посвящено сегодняшнее занятие?

– Сегодня речь пойдет о завербованности²⁵. Будут установлены соответствия между понятием завербованности у Жан-Соля Партра, вербовкой наемников в колониальные войска и наймом прислуги в частные дома.

– О, это очень заинтересовало бы Шика! – воскликнул Колен.

– К великому сожалению, занятия нашего кружка закрытые. Их посещает только прислуга. Следовательно, месье Шик не может на них присутствовать, поскольку он ею не является.

– А почему, Николая, вы все время употребляете «прислуга» в единственном числе?

– Месье и сам понимает, что употреблять прислуг во множественном числе было бы распушенностью.

– Вы правы, Николая. Как вы думаете, я встречу сегодня родственную душу?.. Мне хотелось бы встретить родственную душу вроде вашей племянницы.

– Месье не следует думать о моей племяннице, ибо, как явствует из последних событий, месье Шик первым застолбил ее.

– Но, Николая, – сказал Колен, – мне так хочется влюбиться...

Из носика чайника вырвалось облачко легкого пара, и Николая пошел открывать входную дверь. Консьерж принес два письма.

– Почта? – спросил Колен.

– Извините, месье, но это мне, – сказал Николая. – Месье ожидает известий?

– Я хотел бы, чтобы мне написала какая-нибудь девушка. Я бы ее очень любил.

– Однако уже полдень, – заметил Николая – Не желает ли месье позавтракать? Могу предложить рубленые бычьи хвосты, чашку пунша с ароматическими травами и гренки с анчоусным маслом.

– Как вы думаете, Николая, почему Шик отказывается прийти ко мне ужинать с вашей племянницей, если я не приглашу другой девушки?

– Пусть месье меня извинит, но я поступил бы точно так же. Месье ведь вполне хорош собой.

---

²⁴ «Сервизизм – это гуманизм». – Пародируется название книги Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946).

²⁵ ...речь пойдет о завербованности. – Точнее, об «ангажированности» – одном из центральных понятий философии Ж.-П. Сартра.

– Николя, – сказал Колен, – если я сегодня же вечером не влюблюсь, и притом по-настоящему, я... я начну коллекционировать сочинения герцогини де Бодуар²⁶, чтобы подшутить над моим другом Шиком.

---

²⁶ ...сочинения герцогини де Бодуар... – Пародируется имя Симоны де Бовуар (1908–1986), французской писательницы, сподвижницы Жан-Поля Сартра.

Х

– Я хотел бы влюбиться, – сказал Колен, – ты хотел бы влюбиться. Он хотел бы *idem* (влюбиться). Мы, вы, хотим, хотели бы. Они также хотели бы влюбиться...

Он завязывал галстук перед зеркалом в ванной комнате.

– Осталось только надеть пиджак, и пальто, и кашне и натянуть перчатку сперва на правую руку, потом на левую. Шляпы я не надену, чтобы не испортить прическу. Ты что тут делаешь?

Это он обратился к серой мышке с черными усами, которая забралась явно не туда, куда надо, в стакан для зубной щетки, и с самым независимым видом оперлась лапками о его край.

– Предположим, – сказал он мышке, присев на край ванны (четырёхугольника из желтого фаянса), чтобы быть к ней поближе, – что я повстречаю у Трюизмов моего старого друга Шоз...

Мышка кивнула.

– Предположим, – а почему бы и нет? – что он придет туда с кухней. На ней будет белый свитер, желтая юбка и звать ее будут Ал... нет, Онезимой²⁷...

Мышка скрестила лапки, явно выразив удивление.

– Да, – согласился Колен, – это некрасивое имя. Но вот ты – мышь, и у тебя усы. Что ж тут поделаешь?

Он встал.

– Уже три часа. Я из-за тебя опаздываю. А вот Шик и... Шик придет туда наверняка очень рано.

Он облизал палец и поднял его над головой, но тут же опустил: палец обдало жаром, как в духовке.

– В воздухе носится любовь, – произнес Колен. – Ух какой накал!.. Я встал, ты встаешь, он встает, мы, вы, они встаем, встаете, встают... Тебе не надоело сидеть в стакане? Помочь?

Но мышка доказала, что не нуждается в помощи. Она самостоятельно выбралась на волю и отгрызла кусочек мыла, похожий на леденец.

– Какая же ты лакомка! – сказал Колен. – Только смотри не испачкай все мылом.

Он прошел к себе в комнату и надел пиджак.

«Николя, видимо, ушел... Вот кто, наверное, знаком с удивительными девушками. Говорят, отейльские девочки, а они, как известно, мастерицы на все руки, охотно поступают в прислуги к философам».

Он притворил за собой дверь.

«В левом рукаве подпоролась подкладка... И как назло, у меня больше нет изоляционной ленты... Что ж, приколочу гвоздиком...»

Входная дверь захлопнулась за ним со звуком, напоминающим шлепок по голой заднице... Он вздрогнул.

«Надо думать о другом... Хотя бы о том, что я могу сломать себе шею, сбегая с лестницы...»

Ворс светло-лиловой ковровой дорожки был вытерт только на каждой третьей ступеньке – Колен в самом деле всегда перепрыгивал через две ступени. Вдруг он зацепил ногой медный прут, прижимавший дорожку, и, чтобы удержать равновесие, схватился за перила.

«И поделом мне, нечего думать о всяких глупостях. Я глуп, ты глуп, он глуп!...»

---

²⁷ *Онезима*. – Это странное имя заимствовано Вианом у французского писателя Альфреда Жарри («Онезима, или Терзания Приу, алхимическая пьеса», 1889), чье творчество он высоко ценил.

У него заболела спина. Только внизу он понял, в чем дело, и вытащил из-за ворота злополучный медный прут.

Дверь подъезда захлопнулась за ним, издав звук поцелуя в голое плечо.

«Интересно, что я увижу на этой улице?»

Прежде всего он увидел двух землекопов, которые играли в «классики». Брюхо того, что потолще, сотрясалось не в такт его прыжкам. Биткой им служило распятые, но без креста, одна лишь фигурка, выкрашенная в красный цвет.

Колен прошел мимо. Слева и справа возвышались красивые здания из саманного кирпича. В одном из окон появилась женская головка, над ней, словно нож гильотины, нависла открытая фрамуга. Колен послал красотке воздушный поцелуй, а она вытряхнула ему на голову серебристо-черный шерстяной коврик, которого терпеть не мог ее муж.

Магазины оживляли до жути унылые фасады больших домов. Внимание Колена привлекла витрина: «Все для факиров». Он отметил, что за эту неделю резко подскочили цены на спальные гвозди и стеклянный салат.

Потом ему повстречалась собака и еще два человека. Холод приковывал людей к домам. А те, кому удавалось вырваться из его оков, оставляли на стенах примерзшие клочья одежды и умирали от ангины.

На перекрестке полицейский сунул голову под пелерину и стал похож на большой черный зонтик. А официанты из ближайшего кафе водили вокруг него хоровод, чтобы согреться.

Влюбленные целовались в подворотне.

– Я не хочу их видеть... Я не... Видеть их не хочу... Они меня мучают...

Колен пересек улицу. Влюбленные целовались в подворотне.

Он закрыл глаза и побежал...

Но он их тут же вновь открыл, потому что под веками у него роились прелестницы, и он неизбежно сбился бы с пути. И сразу увидел перед собой одну из них. Она шла в ту же сторону, что и он. Колен глядел на ее белые ноги (она была в мягких сапожках из белой овчины), на ее поношенную шубку из дубленой бандитской кожи и на шапочку, из-под которой выбивались рыжие пряди. В шубе она была широкоплечей, а полы разлетались в стороны, они так и плясали вокруг нее.

«Сейчас я ее обгоню. Я хочу увидеть ее лицо».

Он ее обогнал и заплакал. Ей было не меньше пятидесяти девяти лет. Он присел на край тротуара и разрыдался пуще прежнего. Ему стало легче, а слезы замерзали, с чуть слышным потрескиванием падали и разбивались о гладкий гранит тротуара.

Минут через пять он обнаружил, что находится как раз перед домом Исиды Трюизм. Две девушки, обогнав его, вошли в парадное.

Сердце Колена раздулось до невероятных размеров, потом взмыло вверх, оторвало его от земли, и он влетел вслед за ними.

XI

Уже в вестибюле до него донесся смутный гул приема, который давали родители Исиды. Лестница делала три спиральных витка, и звуки в этом колодце усиливались, как в цилиндрическом резонаторе виброфона. Колен поднимался вслед за девицами, чуть ли не цепляя носом их высокие каблуки. Укрепленные нейлоновые пятки. Туфельки из тонкой кожи. Точеные щиколотки. Потом чуть съезжившиеся швы на чулках, будто длинные-предлинные гусеницы, и мерцающие ямочки в подколенных впадинах. Он задержался и отстал от них еще на две ступеньки. Затем снова начал подниматься. Теперь он видел верхнюю часть чулок у той, что слева, двойной слой шелковой сеточки, вздернутой зажимами подвязок, и в полумраке юбки матовую белизну бедер. Юбка другой девицы, вся в бантовых складках, не давала ему возможности насладиться тем же зрелищем, но зато ее обтянутые бобровой шубой бедра двигались куда энергичнее, чем у первой, и между ними то и дело западала интригующая бороздка. Скромность заставила Колена опустить глаза, он уже не отрывал взгляда от ее ног и вдруг увидел, что они остановились на третьем этаже.

Колен пошел в переднюю Трюизмов вслед за девицами, которым горничная отворила дверь.

– Здравствуйте, Колен, – сказала Исида. – Как вы поживаете?

Он привлек ее к себе и поцеловал в висок. Ее волосы чудесно пахли.

– Да ведь сегодня не мой день рождения, – запротестовала Исида, – а Дюпона!

– Где же Дюпон? Я должен его поздравить.

– Это просто ужасно! – воскликнула Исида. – Сегодня утром его отвели к парикмахеру, хотелось, чтобы он был очень красивый. Его постригли, помыли и все прочее, но часа в два сюда примчались трое его друзей с отвратительными старыми костями в зубах и увели его. Представляю, в каком виде он вернется!..

– В конце концов, это его день рождения, – заметил Колен.

Сквозь проем распахнутой настежь двойной двери он увидел девушек и молодых людей. Человек двенадцать танцевали, но большая часть гостей, разбившись на однополые пары, стояли, заложив руки за спину, и обменивались, без сомнения, весьма сомнительными замечаниями.

– Пойдемте, – сказала Исида. – Я покажу, где оставить пальто.

Он последовал за ней, столкнувшись в коридоре с двумя девицами, которые под щелканье сумок и пудрениц шли из комнаты Исиды, превращенной в гардеробную для дам. Там с потолка свисали огромные железные крючья, взятые напрокат в мясной лавке. Чтобы завершить убранство комнаты, Исида одолжила еще у мясника две хорошо освежеванные бараньи головы, которые приветливо скалили зубы с крайних крюков.

Из кабинета отца Исиды, где устроили мужской гардероб, попросту вынесли всю мебель. Гости швыряли одежду прямо на пол, вот и все. Колен поступил точно так же, но задержался у зеркала.

– Пошли, пошли скорей! – торопила Исида. – Я познакомлю вас с очаровательными девочками.

Он взял ее за кисти рук и притянул к себе.

– На вас прелестное платье, – сказал он ей.

Это было простое шерстяное платье фисташкового цвета с позолоченными керамическими пуговицами и низкой кокеткой на спине, выкованной в виде решетки из тонких железных прутьев.

– Вам нравится? – спросила Исида.

– Прелестно! – воскликнул Колен. – А если я просуну руку сквозь прутья, меня никто не укусит?

– Не слишком на это надейтесь, – сказала Исида.

Она высвободилась из объятий Колена и, схватив его за локоть, потащила к эпицентру потоотделения. По пути они налетели на двух вновь прибывших гостей остроконечного пола, заскользили по паркету, сворачивая в коридор, и, прибежав через столовую, присоединились наконец ко всем остальным.

– Кстати, – сказал Колен, – Ализа и Шик уже пришли?

– Да, – ответила Исида. – А теперь разрешите вам представить...

Представляемые девушки в среднем представляли известный интерес. Но среди них была одна, одетая в шерстяное платье фишашкового цвета с большими позолоченными керамическими пуговицами и необычной кокеткой на спине.

– Вот кому меня надо представить, – сказал Колен и придвинулся к Исиде.

Чтобы он успокоился, Исиде пришлось его потрясти.

– Ну, будьте умницей, хорошо?

Но он уже выглядывал себе другую и тянул за руку Исиду.

– Это Колен, – сказала Исида. – Колен, познакомьтесь с Хлоей.

Колен проглотил слюну. Он ощутил во рту горьковатую сладость, как от подгоревшего пончика.

– Здравствуйте! – сказала Хлоя²⁸.

– Здра... Вы в аранжировке Дюка Эллингтона²⁹? – спросил Колен... И убежал, потому что был убежден, что сморозил дикую глупость.

Шик поймал его за полу пиджака.

– Куда это ты несешься? Уже уходишь? Лучше погляди-ка!

И он вытащил из кармана книжечку, переплетенную в красный сафьян.

– Это рукопись «Очерка теории поллюций»³⁰ Партра.

– Ты ее все-таки нашел? – спросил Колен.

Тут он вспомнил, что решил смыться, и опрометью кинулся к выходу.

Но Ализа преградила ему путь.

– Как, вы уходите, ни разу не потанцевав со мной? – спросила она.

– Извините, – сказал Колен, – но я повел себя как последний идиот, и мне неловко здесь оставаться.

– И все же, когда на вас так смотрят, нельзя отказываться.

– Ализа, – простонал Колен, обняв ее и потершись щекой о ее волосы.

– Что, старик?

– Черт возьми!.. Черт!.. Видите вон ту девушку?

– Хлою?..

– Вы ее знаете? – воскликнул Колен. – Я сказал ей глупость, вот поэтому и хотел удрать.

Он утаил, что в грудной клетке у него гроыхало так, словно играл немецкий военный оркестр, в котором барабан заглушал все инструменты.

– Правда, она красивая? – спросила Ализа.

²⁸ Хлоя. – Это имя носит героиня знаменитого пасторального романа греческого писателя Лонга (конец II – начало III в. н. э.) «Дафнис и Хлоя»: Виан продолжает линию пародийной идиллии, заявленную в имени Колена. Кроме того, «Хлоя» — это название блюза в аранжировке Дюка Эллингтона (1940), главной «музыкальной темы» романа. Подзаголовок блюза – «Песня Болота», или «Девушка Болота», – очевидно, послужил одной из мотивировок появления в легких Хлои болотного растения – кувшинки. По-гречески это имя означает «молодой побег», что создает дополнительные связи между персонажем и растительным миром.

²⁹ Эллингтон Эдуард (прозвище – Дюк, 1899–1974) – американский композитор, пианист, руководитель одного из лучших негритянских джаз-оркестров. Виан преклонялся перед его творчеством.

³⁰ «Очерк теории поллюций». – Пародируется название книги Сартра «Очерк теории эмоций» (1939).

У Хлои были алые губы, темно-каштановые волосы, счастливый вид, и платье было здесь ни при чем.

– Я никогда не решусь! – сказал Колен.

И он тут же бросил Ализу и пригласил танцевать Хлою. Она посмотрела на него. Засмеялась и положила правую руку ему на плечо. Он чувствовал прохладное прикосновение ее пальцев на своей шее. Он уменьшил расстояние между их телами, несколько напрягнув правый бицепс, что было результатом приказа, посланного головным мозгом по двум точно выбранным нервам.

Хлоя снова на него посмотрела. У нее были синие глаза. Она тряхнула головой, чтобы откинуть назад свои выющиеся блестящие волосы, и с решительным видом прижалась виском к щеке Колена.

Кругом воцарилась гробовая тишина, и он почувствовал, что отныне весь остальной мир не стоит для него и выеденного яйца.

Но тут, как и следовало ожидать, пластинка остановилась. Только тогда Колен вернулся к действительности и заметил, что сквозь просвет в потолке на них смотрели жильцы верхней квартиры, что плинтус был прикрыт радужной завесой водяных брызг, что из пробитых в стенах отверстий вырывались пестрые клубы газа и что его подруга Исида стоит рядом и протягивает ему китайский поднос, правда без китайских церемоний, но зато с птифурами.

– Спасибо, Исида, – сказала Хлоя, тряхнув локонами.

– Спасибо, Исида, – сказал Колен и взял крохотный наполеон в сером походном сюртуке.

– Вы зря отказались, они очень вкусные, – сказал он Хлое, но тут же закашлялся, потому что, себе на беду, подавился иголкой ежа, спрятанной в пирожном.

Хлоя засмеялась, обнаружив прекрасные зубы.

– Что случилось?

Не в силах справиться с кашлем, он был вынужден отпустить ее руки и отойти в сторонку, но в конце концов кашель прошел. Хлоя вернулась с двумя бокалами.

– Выпейте, – сказала она, – вам будет лучше.

– Спасибо, – сказал Колен. – Это что, шампанское?

– Смесь.

Он выпил залпом и поперхнулся. Хлоя умирала со смеху. К ним подошли Шик и Ализа.

– Что это с ним? – спросила Ализа.

– Он не умеет пить! – сказала Хлоя.

Ализа тихонько стукнула его по спине, и раздался гулкий звук, словно ударили в гонг с острова Бали³¹. Все тут же перестали танцевать, решив, что пора садиться за стол.

– Вот и хорошо, – сказал Шик. – Никто не будет нам мешать. Сейчас найдем хорошую пластинку...

Он подмигнул Колену.

– Давайте танцевать скосиглаз, – предложила Ализа.

Шик рылся в кипе пластинок, лежащей возле проигрывателя.

– Потанцуй со мной, Шик, – сказала Ализа.

– Вот под эту пластинку, – сказал Шик.

Оказалось, это буги-вуги.

Хлоя ждала, чтобы Колен ее тоже пригласил.

– Надеюсь, вы не станете танцевать скосиглаз под эту музыку? – в ужасе воскликнул Колен.

– Почему? – спросил Шик.

---

³¹ *Бали* — остров в Индонезии, недалеко от острова Ява.

– Не смотрите на них, пожалуйста, – сказал он Хлое.

Он слегка нагнул голову и губами коснулся ее шеи чуть ниже уха. Она вздрогнула, но не отстранилась.

Колен тоже не отнял своих губ.

А тем временем Ализа и Шик великолепно демонстрировали, как танцуют скосиглаз в негритянском стиле.

Пластинка очень быстро кончилась. Ализа высвободилась из объятий Шика и стала искать другую. Шик плюхнулся на диван, возле которого стояли Колен и Хлоя. Вдруг он схватил их за щиколотки, и от неожиданности они повалились на диван рядом с ним.

– Ну, птенчики, порядок?

Колен сел, а Хлоя удобно примостилась возле него.

– Милая девочка, верно? – сказал Шик.

Хлоя улыбнулась. Колен ничего не сказал, но обнял Хлою за шею и стал небрежно играть верхней пуговицей ее платья, которое застегивалось спереди.

Подошла Ализа.

– Подвинься, Шик, я хочу сесть между тобой и Коленом.

Она хорошо выбрала пластинку. Это была «Хлоя» в аранжировке Дюка Эллингтона. Колен покусывал волосы Хлои у уха. Он пробормотал:

– Это в точности вы.

Но прежде чем Хлоя успела ему ответить, все остальные гости вернулись танцевать, сообщив наконец, что еще не время садиться за стол.

– О, как жаль... – сказала Хлоя.

XII

– Тебе удастся с ней снова встретиться? – спросил Шик.

Они сидели за столом и наслаждались последней творческой удачей Николя, который из обыкновенной тыквы сотворил настоящую тыкву под ореховым соусом.

– Не знаю, – ответил Колен. – Просто не знаю, что мне делать. Понимаешь, это очень хорошо воспитанная девушка. В тот раз у Исиды она выпила много шампанского...

– Ей это было к лицу, – сказал Шик. – Она очень красивая. И не гляди на меня так!.. Подумай только, я нашел сегодня издание «Проблема выбора при тошноте»³² не на ажурной, а на плотной туалетной бумаге!

– Откуда у тебя такие деньги? – спросил Колен.

Шик помрачнел.

– Да, это стоит безумно дорого, но я не могу без этого обойтись, – сказал он. – Партр мне просто необходим. Я коллекционер. Я должен иметь все, что он написал.

– Да он только и делает, что пишет, – сказал Колен. – Пять статей в неделю, не меньше.

– Я знаю, – сказал Шик.

Колен подложил ему еще немного тыквы.

– Скажи-ка лучше, как бы мне снова увидеться с Хлоей?

Шик посмотрел на него и улыбнулся.

– Верно, я тебе только голову морочу своими историями с Жан-Содем Партром, – сказал он. – Мне хотелось бы тебе помочь... Что я должен сделать?..

– Знаешь, это какой-то бред, – сказал Колен. – Я в отчаянии и в то же время невыносимо счастлив. Здорово, когда так дико чего-то хочется... Мне хочется, – продолжил он, помолчав, – лежать на выгоревшей траве, ну, знаешь, когда солнце припекает, и земля совсем пересохла, а трава желтая, как солома, и ломкая-ломкая, и в ней полным-полно всяких букашек, и они мечутся по сухому мху. Лежать ничком и смотреть на все это. И чтобы поблизости была каменная изгородь и корявые деревья с листочками. Тогда сразу все отлегает.

– И еще Хлоя? – спросил Шик.

– И Хлоя, конечно, – сказал Колен. – Хлоя в идее.

Они снова помолчали. Этой паузой воспользовался графин, чтобы издать хрустальный звук, который эхом прокатился по стенам.

– Налить тебе еще немного сотерна? – спросил Колен.

– Да, – сказал Шик. – Спасибо.

Николя принес десерт – нарезанный ломтями ананас в апельсиновом креме.

– Спасибо, Николя, – сказал Колен. – Что, по-вашему, мне надо сделать, чтобы вновь встретиться с девушкой, в которую я влюблен?

– Вообще-то говоря, месье, такой случай, конечно, можно себе представить... Но я должен признаться месье, что со мной этого никогда еще не было.

– Естественно, – сказал Шик. – У вас фигура как у Джонни Вейсмюллера³³. Не каждый может этим похвастаться.

– Благодарю вас, месье, за столь лестный отзыв, он тронул мое сердце, – признался Николя. – А месье я могу посоветовать, – продолжил он, обращаясь к Колону, – попытаться

---

³² «Проблема выбора при тошноте». – Книга Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938) – основной источник пародийных названий в романе.

³³ Вейсмюллер Джонни (1904–1984) – известный американский пловец, впоследствии актер. Начиная с 1932 г. исполнял в популярной серии кинофильмов роль Тарзана.

собрать посредством того лица, у которого месье виделся с особой, встреча с коей для месье столь желательна, хоть какие-то сведения о привычках и знакомствах этой особы.

– Несмотря на всю сложность ваших оборотов, Николя, – сказал Колен, – вы в самом деле дали мне разумный совет. Но когда человек влюблен, он, как известно, глупеет. Потому я не сказал Шику, что уже давно хотел бы это сделать.

Николя тем временем отправился на кухню.

– Этот парень неоценим, – сказал Колен.

– Да, – согласился Шик, – он прекрасно готовит.

Они выпили еще сотерна. Николя вернулся с огромным тортом на подносе.

– Дополнительный десерт, – объявил он.

Колен взял нож, но, поглядев на белую глазированную поверхность торта, резать не решился.

– Он слишком красив, – сказал Колен. – Давай немного подождем.

– Ожидание, – сказал Шик, – это прелюдия в минорной тональности.

– Почему ты так говоришь? – спросил Колен.

Он взял бокал Шика и налил в него вина, густого и легкого, как сжатый эфир.

– Не знаю, – сказал Шик. – Мне вдруг пришло это в голову.

– Попробуй! – сказал Колен.

Они подняли бокалы и выпили все до дна.

– Невероятно!.. – сказал Шик, и в глазах его запылали красные огоньки.

Колен схватился рукой за грудь.

– Вот это да! – сказал он. – Ни на что другое не похоже.

– Это совершенно не важно, – сказал Шик. – Ты тоже ни на кого не похож.

– Уверен, что, если его много выпить, Хлоя тут же придет.

– Это еще не факт! – сказал Шик.

– Ты меня не подначивай! – сказал Колен, протягивая свой бокал.

Шик наполнил оба.

– Погоди! – сказал Колен.

Он погасил плафон и маленькую лампу, освещавшую стол. Только в углу мерцал зеленоватый свет лампадки под шотландской иконой, глядя на которую Колен обычно медитировал.

– О! – прошептал Шик.

Вино в хрустальных бокалах фосфоресцировало и переливалось всеми цветами, и сверканье это, казалось, исходило от мириад радужных искр.

– Пей! – сказал Колен.

Они выпили. Отсвет вина остался у них на губах. Колен снова повернул выключатель. Он нетвердо стоял на ногах.

– Один раз не в счет, – сказал он. – По-моему, мы можем допить бутылку.

– Не разрезать ли торт? – спросил Шик.

Колен схватил серебряный нож и принялся чертить спираль на белой глазированной поверхности. Внезапно он остановился и с изумлением посмотрел на то, что получается.

– Я сейчас попробую сделать одну штуку, – сказал он.

Одной рукой он взял из стоящего на столе букета острый лист остролиста, другой – торт и, быстро вращая его на кончике пальца, осторожно опустил лист колочкой в прочерченную им борозду.

– Послушай!.. – сказал он.

И Шик явственно услышал «Хлою» в аранжировке Дюка Эллингтона.

Шик посмотрел на Колена. Тот был бледен как полотно.

Шик взял у него из рук нож и решительным движением всадил в торт. Он разрезал его пополам и увидел, что внутри лежит новая статья Партра для Шика, а для Колена – записка, в которой Хлоя назначала ему свидание.

XIII

Колен стоял на углу площади и ждал Хлою. Площадь была круглая, и были на ней голуби, церковь, сквер, скамейки, а на проезжей части – машины и автобусы. Солнце тоже ждало Хлою, но оно могло тем временем забавляться – бросать, например, тени, проращивать дикую фасоль, играть со ставнями и пристыдить фонарь, все еще горящий из-за беспечности дежурного электрика.

Колен теребил край перчатки и сочинял первую фразу, которую скажет Хлое. По мере того как час свиданья приближался, фраза эта все быстрее менялась. Он не знал, что предложить Хлое. Может, пойти в кондитерскую пить чай? Но там царит такая тоска, и эти прожорливые сорокалетки, которые поглощают по семь пирожных подряд, отставив мизинчики. Нет, это не для него! Обжорство он прощал только мужчинам, для которых оно еще имеет какой-то смысл и не умаляет присущего им достоинства. Кино тоже исключается, она никогда не согласится. И в депутатодром ее не поведешь – ей там не понравится. И телячьи бега не годятся – она испугается. И в больницу Сен-Луи нельзя – туда не пускают. И Лувр он отверг, ведь там за ассирийскими херувимами притаились сатиры. И уж, конечно, о вокзале Сен-Лазар не может быть и речи: там нет ни единого поезда, одни только тележки для багажа.

– Здравствуйте!..

Хлоя подошла не с той стороны, с которой он ее ждал. Он стал поспешно снимать перчатки, но запутался от растерянности, угодил себе кулаком по носу, произнес «Уф!..» и пожал ей руку. Она рассмеялась.

– Что это у вас такой смущенный вид?

На ней была шуба из пушистого меха цвета ее волос, такая же шапочка и короткие сапожки с меховой оторочкой.

Она коснулась локтя Колена.

– Возьмите меня под руку. Что-то вы сегодня нерасторопны...

– Верно, в тот раз у меня лучше получалось, – признался Колен.

Она снова засмеялась, поглядела на него и засмеялась еще громче.

– Вы смеетесь надо мной, – жалобно сказал Колен. – Это немилосердно.

– Вы рады меня видеть? – спросила Хлоя.

– Да!.. – сказал Колен.

Они пошли по первому попавшемуся тротуару. Маленькое розовое облако спустилось с неба и повисло над ними.

– Могу спуститься пониже, – предложило оно.

– Валяй! – сказал Колен.

И облако окутало их. Внутри него было тепло и пахло корицей с сахаром.

– Нас теперь не видно! – сказал Колен. – Но мы их видим!..

– Облако все же довольно прозрачное, – сказала Хлоя. – Не обольщайтесь!

– Не важно, так все же чувствуешь себя лучше, – сказал Колен. – Что будем делать?

– Всего лишь гулять... Вам не будет скучно?

– Тогда говорите мне какие-нибудь слова...

– Я не знаю настолько хороших слов, – сказала Хлоя. – Но можно поглядеть витрины. Вот хоть эту!.. Как интересно!

В витрине красивая женщина лежала на пружинном матрасе. Она была обнажена по пояс, и электрический прибор белыми шелковистыми щетками массировал ей грудь снизу

вверх. Надпись гласила: «Берегите вашу обувь, пользуйтесь только гуталином „Антипод преподобного Шарля“³⁴».

– Хорошая мысль, – сказала Хлоя.

– При чем тут это! – сказал Колен. – А массаж куда приятней, когда его делают рукой. Хлоя покраснела:

– Не говорите таких вещей. Я не люблю ребят, которые говорят всякие гадости девушкам.

– Я в отчаянии... Я не хотел...

У Колена и в самом деле был такой отчаянный вид, что она улыбнулась и даже слегка потрясла его за руку, чтобы показать, что не сердится.

В другой витрине толстяк в фартуке мясника резал младенцев. Это была наглядная пропаганда общественной благотворительности.

– Вот на что уходят деньги, – сказал Колен. – Убирать все это каждый вечер стоит, наверно, очень дорого.

– Но ведь младенцы ненастоящие! – с тревогой сказала Хлоя.

– Как знать? В общественных благотворительных заведениях младенцев навалом... – сказал Колен.

– Мне это не нравится, – сказала Хлоя. – Прежде таких ужасных витрин не было. Я не считаю, что это шаг вперед.

– Не важно, – сказал Колен. – Это ведь действует только на тех, кто и без того верит в подобные глупости.

– А это что такое? – спросила Хлоя.

В витрине было выставлено гладкое, круглое, как шар, брюхо на колесах с резиновыми шинами. А под ним надпись: «И на вашем не будет складок, если вы его погладите Электрическим Утюгом».

– Да ведь я его знаю!.. – воскликнул Колен. – Это брюхо Сержа, моего бывшего повара! Как оно здесь очутилось?

– Какая разница? – сказала Хлоя. – Стоит ли горячиться из-за этого живота? К тому же он такой огромный...

– Но Серж так хорошо готовил!..

– Пошли отсюда, – сказала Хлоя. – Я не хочу больше смотреть витрины. Мне это не нравится.

– Что же мы будем делать? – спросил Колен. – Может, выпьем где-нибудь чаю?

– О!.. Сейчас не время... и вообще, я это не очень люблю.

Колен вздохнул с таким облегчением, что подтяжки его затрещали.

– Это что за звук?

– Я наступил на сухую ветку, – покраснев, объяснил Колен.

– Не пойти ли нам погулять в Булонский лес? – предложила Хлоя.

Колен с восторгом посмотрел на нее:

– Отличная мысль! Там сейчас никого нет.

Хлоя покраснела.

– Я не из-за этого. К тому же, – добавила она мстительно, – мы будем ходить только по главным аллеям, чтобы не промочить ноги.

Она взяла его под руку, и он слегка прижал к себе ее локоть.

– Пойдем по подземному переходу, – сказал он.

---

³⁴ «Антипод преподобного Шарля». – Виан иронизирует над популярностью Шарля де Голля (1890–1970), который после освобождения Франции от фашистов, в ноябре 1945 г., был избран главой Временного правительства.

Вдоль всего перехода с обеих сторон тянулись огромные вольеры, где Городские Уборщики держали запасных голубей для Скверов и Памятников. Там находились также питомники для воробьев и питомнички для воробушков. Люди избегали пользоваться этим переходом, потому что все эти птицы махали крыльями и от этого возникал невероятный сквозняк, вздымавший белые и сизые перышки.

– Они что, вообще никогда не перестают трепыхаться? – спросила Хлоя, надвигая на лоб меховую шапочку, чтобы ее не унес ветер.

– Они все время меняются, – сказал Колен.

Он никак не мог справиться с развевающимися полами своего пальто.

– Давайте пройдем поскорее мимо клеток с голубями. Воробьи не поднимают такого ветра, – сказала Хлоя, прижимаясь к Колену.

Они прибавили шагу и вышли из опасной зоны. Облачко не последовало за ними под землю. Оно избрало кратчайший путь и уже ждало их у выхода.

XIV

Темно-зеленая скамейка оказалась сыроватой, но по этой аллее почти никто не ходил, и им было тут неплохо.

– Вам не холодно? – спросил Колен.

– Нет, из-за облачка, – ответила Хлоя. – Но... все же я могу к вам придвинуться.

– О!.. – вырвалось у Колена, и он покраснел.

Ощущение было удивительное. Он обнял Хлою за талию. Шапочка была у нее надета набок, и у самых его губ оказалась копна блестящих волос.

– Мне хорошо с вами, – сказал он.

Хлоя ничего не сказала в ответ. Она только учащенно задышала и незаметно еще плотнее прижалась к нему.

Колен говорил ей теперь почти в самое ухо:

– Вам не скучно? – спросил он.

Она покачала головой, и Колену удалось, воспользовавшись ее движением, еще к ней приблизиться.

– Я... – шепнул он ей уже прямо в ухо, но в этот момент она как бы случайно повернула голову, и Колен поцеловал ее в губы. Это длилось недолго. Зато в следующий раз получилось уже куда лучше. И тогда он уткнулся лицом в волосы Хлои, и так они сидели, не говоря ни слова.

XV

– Как мило, что вы пришли, Ализа, – сказал Колен. – Но вы будете единственной девушкой...

– Не важно, – сказала Ализа. – Шик не против.

Шик это подтвердил. Но, по правде говоря, голос Ализы был не очень веселым.

– Хлои нет в Париже, – сказал Колен. – Она укатила на три недели на юг со своими предками.

– Так ты, наверно, очень несчастен.

– Что ты! Я еще никогда не был так счастлив! – сказал Колен. – Я как раз хотел вам объявить о нашей помолвке...

– Поздравляю, – сказал Шик.

Он старался не глядеть на Ализу.

– Что с вами происходит? – спросил Колен. – Похоже, где-то заело.

– Все в порядке, – сказала Ализа. – Просто Шик глупый.

– Да нет, – запротестовал Шик. – Не слушай ее, Колен. Ничего не происходит.

– Вы говорите одно и то же, но не согласны друг с другом, – сказал Колен, – значит кто-то из вас врет, а может, и оба. Давайте ужинать.

Они прошли в столовую.

– Садитесь, Ализа, – сказал Колен. – Вот сюда, рядом со мной. Вы мне расскажете, в чем дело?

– Шик совсем глупый, – сказала Ализа. – Он говорит, что не должен больше жить со мной, потому что у него нет денег, чтобы меня обеспечить. Ему, видите ли, стыдно, что он на мне не женится.

– Я негодай, – сказал Шик.

– Право, не знаю, что вам сказать...

Колен сам был так счастлив, что все это его невероятно огорчило.

– Дело ведь не только в деньгах, – сказал Шик, – а еще и в том, что родители Ализы не согласятся на наш брак и будут правы. В одной из книг Партра как раз описана подобная история.

– Это великолепная книга, – сказала Ализа. – Вы ее не читали, Колен?

– Вот вы какие, – сказал Колен. – Не сомневаюсь, что вы по-прежнему тратите все свои деньги на Партра.

Шик и Ализа потупили глаза.

– Это моя вина, – сказал Шик. – Ализа больше ничего не тратит на Партра. С тех пор как она живет со мной, она почти перестала им заниматься.

В голосе Шика звучал упрек.

– Я люблю тебя больше, чем Партра.

Она готова была расплакаться.

– Ты прелесть, – сказал Шик, – я тебя не стою. Но коллекционировать Партра – это мой порок. А инженеру, к сожалению, это не по карману.

– Я в отчаянии, – сказал Колен. – Я так хочу, чтобы у вас все было хорошо... Разверните-ка ваши салфетки.

Под салфеткой Шика лежал томик «Блевотины», переплетенный в кожу вонючки, а под салфеткой Ализы – массивное золотое кольцо во вкусе Бенвенуто Тошнини³⁵.

---

³⁵ Бенвенуто Тошнини. – Обыгрывается имя великого итальянского скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини (1500–1571).

– О! – воскликнула Ализа.

Она обвила руки вокруг шеи Колена и поцеловала его.

– Ты мировой парень, – сказал Шик, – не знаю, как тебя отблагодарить. Впрочем, ты сам понимаешь, что я не могу отблагодарить тебя так, как хотел бы...

Колен несколько приободрился. И Ализа была в этот вечер на редкость хороша.

– Какие у вас духи? – спросил Колен. – Хлоя душиется орхидеевой квинтэссенцией.

– Я не употребляю духов, – сказала Ализа.

– Это ее естественный запах, – добавил Шик.

– Просто чудо! – воскликнул Колен. – Вы пахнете лесом, где течет ручей и бегают крольчата.

– Расскажите нам о Хлое, – попросила Ализа, которая явно была польщена.

Николя принес закуски.

– Здравствуй, Николя, – сказала Ализа. – Как ты поживаешь?

– Хорошо, – сказал Николя и поставил поднос на стол.

– Ты меня не поцелуешь? – спросила Ализа.

– Не стесняйтесь, Николя, – сказал Колен. – Вы доставили бы мне большое удовольствие, если б согласились с нами поужинать...

– Да, да!.. – сказала Ализа. – Поужинай с нами.

– Месье повергает меня в смущение, – сказал Николя. – Не могу же я сесть за стол в таком виде...

– Послушайте, Николя, – сказал Колен. – Вы можете, если хотите, переодеться, но я вам просто приказываю поужинать с нами.

– Благодарю вас, месье, – сказал Николя. – Пойду переоденусь.

Он расставил закуски и вышел.

– Ну так вернемся к Хлое, – сказала Ализа.

– Ешьте, пожалуйста, – сказал Колен. – Не знаю, что это такое, но, должно быть, вкусно.

– Не томи нас!.. – сказал Шик.

– Я женюсь на Хлое через месяц, – сказал Колен, – но мне хотелось бы, чтобы это было завтра!..

– Да, вам везет.

Колену стало стыдно своего богатства.

– Послушай, Шик, – сказал он, – возьми у меня деньги.

Ализа с нежностью посмотрела на Колена. Он был настолько открытым, что видно было, как голубые и сиреневые мысли пульсируют в венах его рук.

– Это вряд ли нам поможет, – сказал Шик.

– Тогда ты смог бы жениться на Ализе, – сказал Колен.

– Ее родители против, – ответил Шик, – а я не хочу, чтобы она с ними ссорилась. Она еще маленькая...

– Вовсе я не маленькая... – сказала Ализа, выпрямляясь на мягком сиденье, чтобы они обратили внимание на ее соблазнительную грудь.

– Он совсем не это имеет в виду! – перебил ее Колен. – Послушай, Шик, у меня есть сто тысяч инфлянков, я дам тебе четверть этой суммы, и вы сможете спокойно жить. Будешь продолжать работать, и тогда вы вполне сведете концы с концами.

– Я никогда не смогу отблагодарить тебя должным образом, – сказал Шик.

– Не надо меня благодарить, – сказал Колен. – Просто меня в жизни интересует счастье не всех людей, а каждого в отдельности.

Раздался звонок в дверь.

– Пойду открою, – сказала Ализа. – Я ведь здесь самая маленькая, вы сами меня в этом упрекаете...

Она встала, и ножки ее засемили по мягкому ковру.

Это был Николая, который вышел из квартиры черным ходом и теперь возвращался через парадный в пальто из плотного драпа в зелено-бежевую елочку и в америхамской фетровой шляпе. Перчатки его были из свиной кожи, а ботинки – из настоящего крокодила, но во всем своем великолепии он предстал, лишь сняв пальто: на нем оказался пиджак из коричневого вельвета в перламутровый рубчик и синие в радужный отлив брюки с обшлагом в пять пальцев, включая большой.

– О! – воскликнула Ализа. – До чего же ты шикарен!

– Как дела, племянница? Все такая же красивая?.. – И он провел рукой по ее груди и бедрам.

– Пошли ужинать, – сказала Ализа.

– Привет, друзья, – сказал Николая, входя в комнату.

– Наконец-то вы решили разговаривать нормально! – сказал Колен.

– Конечно! Я могу по-всякому. Но послушайте, – продолжал он, – не перейти ли нам всем на «ты»?

– Охотно, – подхватил Колен. – Опустит-ка свою задницу на стул!

Николя сел напротив Шика.

– Положи себе закуски, – сказал Шик.

– Ребята, вы согласны быть моими шаферами на свадьбе?

– Заметано, – сказал Николая. – Только, чур, чтобы с нами в паре не оказалось мордovorотов! Знаем, как это бывает...

– Я попрошу Ализу и Исиду быть подружками невесты, – сказал Колен, – а братьев Демарэ³⁶ – свадебными педералами.

– Договорились! – сказал Шик.

– Ализа, сбегай-ка на кухню и притащи сюда блюдо из духовки, – распорядился Николая. – Пора его вынимать.

Она в точности выполнила указания Николая и принесла судок из массивного серебра. Шик приподнял крышку, и они увидели, что там лежали две скульптурные фигурки из гусиного паштета, изображающие Колена в визитке и Хлою в подвенечном платье. Над их головами была начертана дата бракосочетания, а в уголке стояла подпись: «Николя».

---

³⁶ *Братья Демарэ*. – Фирме братьев Демарэ принадлежали в 1940-е гг. французские бензоколонки и склады горючего, поэтому их имя было известно всем без исключения: отсюда пародийный эффект его переосмысления.

XVI

Колен бежал по улице.

«Свадьба будет замечательная... Завтра, завтра утром... Придут все мои друзья...»

Улица вела к Хлое.

«Хлоя, ваши губы нежны. Ваша кожа золотиста, как персик. Ваши глаза видят все, как надо, а ваше тело бросает меня в жар...»

Разноцветные стеклянные шарики катились по тротуару, за ними бежали дети.

«Пройдут месяцы, долгие, долгие месяцы, а я все буду целовать вас с ненасытной жадностью. Пройдет столько месяцев, сколько дней в году, сколько часов в году, сколько минут в году, а все не исчерпаются поцелуи, которыми я хочу покрыть ваши руки, ваши волосы, ваши глаза, вашу шею...»

Ему повстречались три маленькие девочки. Они водили хоровод и выводили песенку, вписывая поющий треугольник в танцующий круг.

«Хлоя, я хотел бы, чтобы ваши груди прижались к моей груди, чтобы мои ладони касались вашего трепещущего тела, чтобы ваши руки обхватили мою шею, а ваша благоухающая головка уткнулась мне в плечо, я хотел бы вдыхать ваш запах, ощущать вашу кожу...»

Небо было голубым, ясным, мороз еще держался, но уже не лютовал, как прежде. На четко очерченных черных деревьях тускнели концы веток – там набухали зеленые почки.

«Когда вас нет рядом, я вижу вас в том платье с серебряными пуговицами, но когда же это вы в нем были? Не в первую ли встречу? Нет, в день нашего свидания оно облегалo ваше тело под тяжелым и мягким пальто».

Он толкнул дверь и вошел в лавку.

– Мне нужны цветы для Хлои, – сказал он.

– Когда их доставить? – спросила цветочница.

Она была молодая, хрупкая, с красивыми руками. И очень любила цветы.

– Завтра утром. Ко мне домой тоже надо отправить побольше цветов, чтобы вся наша комната была ими завалена, – лилиями, белыми розами и гладиолусами и еще другими белыми цветами. Но главное, не забудьте большой букет красных роз...

XVII

Братья Демарэ, близнецы, одевались, чтобы отправиться на свадьбу. Их очень часто приглашали в качестве свадебных педералов, потому что они выглядели на редкость предстательно. Старшего звали Кориолан³⁷. У него были черные вьющиеся волосы, белая нежная кожа, невинный взгляд, прямой нос и голубые глаза, опущенные желтыми ресницами.

Младший по имени Пегас выглядел точно так же, с той лишь разницей, что ресницы его были зелеными, и этого обычно оказывалось достаточным, чтобы отличить их друг от друга. Они выбрали карьеру педиков по необходимости и по склонности, но так как они хорошо зарабатывали, выступая в качестве свадебных педералов, им уже почти не приходилось работать, и, увы, это пагубное безделье толкало их время от времени в объятия порока. Вот накануне, например, Кориолан побаловался с одной девицей, и теперь Пегас, стоя перед трельяжем и натирая себе чресла спермацетовым кремом «В мужских объятиях», весьма сурово его отчитывал.

---

³⁷ *Кориолан* — имя легендарного римского полководца, отличавшегося твердостью и мужеством, героя одноименной трагедии Шекспира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.